
Алла Бражич
Бенджамин.
Город дождей.

Алла Бражич

Бенджамин. Город дождей

«Автор»
2026

Бражич А.

Бенджамин. Город дождей / А. Бражич — «Автор», 2026

Некогда знаменитый фотограф, претерпев ряд неудач, в пылу эмоционального срыва бросает всё и уезжает в незнакомый провинциальный городок с одним единственным желанием – пропасть без вести. Но то, что представлялось крахом, парадоксальным образом оказывается единственным спасением.Эта психологическая повесть об ухищрениях человеческого подсознания, о том, как хитро переплетены здоровое чувство самоценности с болезненным навязчивым самоутверждением, и как психическое расстройство может быть следствием самообмана.

© Бражич А., 2026
© Автор, 2026

Алла Бражич
Бенджамин. Город дождей

1.

Ранним утром, за пару часов до начала будничной суеты, когда редеют сумерки и слышен слабый сап туманных улиц, на безлюдной площади железнодорожного вокзала маленького провинциального городка появился мужчина. Роста выше среднего, толстоват, он был одет в светлую рубашку навыпуск и свободные брюки песочного оттенка. Серый вязаный свитер, наспех накинутый на покатые плечи, был сцеплен рукавами на груди, а из-за сдвинутых на макушку солнцезащитных очков в золотистой оправе курчавились тёмные локоны. От него пахло шипровым одеколоном, вперемешку с пропитавшим одежду и волосы горьким запахом табака, что неудивительно при его пристрастии к курению.

Мужчина зевал и ёжился спросонья, поправлял одежду, отряхивался, недовольно разглядывал запачканные ботинки, бережно придерживая увесистую кожаную сумку, в которой, судя по всему, находились ценные для него вещи. Явно нездешний, весь из себя важный и приметный, он озирался по сторонам, пытаясь понять в какую сторону ему проследовать. Лениво вилял челюстью, вращая лакричный леденец во рту и взмахивал рукой, глядя на время, заточённое в блестящий корпус дорогих часов.

Хоть поседевшая щетина и придавала грозности его лицу, глубокий вдумчивый взгляд из-под густых бровей и полные щёки производили, скорее, приятное впечатление. Тучность комплекции срезала углы и придавала мягкости образу её обладателя, что несколько разнилось с характером.

В целом, он казался человеком с приличными манерами, образованным и интеллигентным, но зачастую в нём проскальзывала напускная претенциозность ко всему, что могло бы посягать на его восприимчивое и нежное чувство собственного достоинства. Конечно, он понимал, что прикрываться высокомерием не лучшая стратегия поведения, но искренне верил, в то, что тем самым сможет оградиться от грубости и хамства, с которыми запросто можно столкнуться в обществе.

Бенджамин – фотограф столичного новостного издания, прибывший сюда ранним поездом, но не для съёмки репортажа, как можно было полагать, не с деловым визитом и не для поиска сюжета. Он оказался здесь совершенно по другому поводу. «Самоизгнание в ссылку» – таков был его приговор самому себе после затяжного личностного кризиса, депрессии, рецессии и прочих психологических расстройств. Клеймившись неудачником, он принял соответствующие меры.

В усталом облике заблудшего фотографа сложно было разглядеть былое жизнелюбие и потенциал некогда преуспевающего мужчины. Сейчас это был человек с расшатанными нервами и не по годам ослабленным здоровьем, которое зачастую выражалось в одышке с заливистым, удушающем кашлем, будь это хоть слегка прибавленный темп ходьбы. Лишённый сил и интереса ко всему, что его окружает, он обзывал себя «бывшим в употреблении» и чувствовал себя соответственно.

Так, ссутулившись и кряхтя от кашля, Бенджамин брёл в глубину заспанного города, временами опираясь на фонарные столбы, понятия не имея куда его могут вывести узоры плиточного тротуара.

2.

Когда-то давно, он уже и сам не помнил, когда именно это случилось, а может помнил, но предпочитал не подсчитывать годы спустя, имя Бенджамина гремело в столичной культурной

среде. Выставка его фотографий ошеломляющим потоком ворвалась в индустрию и представила публике неизвестного автора с собственной, уникальной манерой.

Ещё неотягощённый лаврами победителя, неопороченный и безобидный, так горячо ожидаемый искушенной богемой фотограф, вызывал интерес, как своими работами, так и своей скромной, но весьма любопытной персоной. Не имея за спиной престижных фотошкол, дорогостоящего оборудования или влиятельных покровителей, его опыт содержал в себе километры объезженной плёнки, обострённое восприятие и редкое предчувствие момента.

Бенджамин вышел из-за кулис безызвестности, уверенно ступив на арену зрительских симпатий, а вместе с тем на суд просвещённых, куда более честных и чёрствых мастодонтов искусства. Одни пророчили ему фантастическое будущее, другие недоверчиво наблюдали за его стремительным взлётом, выжидающе потирая руки. И, пока столица визжала о редчайшей находке, гении, самородке, в его судьбе закрутилось колесо беззаботных празднеств, торжеств и церемоний, на котором фатальными метками высечены деления шкалы дозволенности.

Мало кто мог тогда догадываться насколько его прельщал достаток. Бенджамин приехал в столицу будучи молодым и резвым голодранцем, с озадаченным лицом простака, с плебейскими выходками, с размашистым говором, с пустыми карманами на заштопанных штанах и неугасающей надеждой на минимальное жалование мелкого разнорабочего.

Большой город – стяжатель людских судеб, оказался не очень-то дружелюбен к безродным скитальцам, подобно мачехе, которая принять может и примет, а накормить забудет. На еду ему, конечно, хватало, но ни о каком более-менее приличном заработке не могло быть и речи. На что рассчитывал, то и получил. Но того, чего с лихвой хватило бы раньше, было ничтожно мало для нужд, что обнаружились теперь.

Проведя несколько лет пустых, однообразных будней, перебиваясь случайными наймами, едва сводя концы с концами, киша в одной луже с такой же понаехавшей мишурой - дешёвой уличной массовкой, не нашедший себя авантюрист с обломанными зубами стал всё чаще вспоминать о доме. Пока в те невесёлые помыслы не вмешался один занимательный инцидент, ставший роковым знамением и, как это бывает в заезженных бульварных россказнях, предопределил его дальнейший путь.

Модный художник, взбалмошный парень с длинным носом и вытянутым затылком, неврастеник, бездельник и пьяница, в чьей мастерской Бенджамин доделывал ремонт, прокутив всё своё состояние, был вынужден расплатиться с ним предметом мечтаний всех сведущих, редким в ту пору профессиональным фотоаппаратом. После нескольких часов торгов и препирательств, где замысловатая полемика сменялась примитивной бранью, состоялась сделка, по итогу которой, работяга остался без гроша, зато стал обладателем некоего занятного и, как ему казалось, бесполезного устройства.

Очередным бессодержательным вечером, прогуливаясь по залитому бронзовым солнцем бульвару избалованной столицы, приглядывая комиссионку, куда можно было бы продать сей трофей, попутно фиксируя замученных летним зноем прохожих, на него наткнулась пара подвыпивших иностранцев. Приняв молодого человека за уличного фотографа, гости города заплатили за памятную фотосессию столько, сколько он зарабатывал за целый месяц наёмной работы, а может и больше. На радостях он не сообразил пересчитать, но хватило надолго.

Так Бенджамин нет-нет стал подкармливаться фотосъёмками. Со временем он передохнул, насытился, выплатил долги и даже приоделся, а новый подручный продолжал хоть понемногу, но бесперебойно обеспечивать доход. Осознав всю прелесть происходящего, вдохновлённый самоучка убедил себя в том, что раз уж сама судьба обрекла его стать фотографом, значит это и есть его великое предназначение. То самое предназначение, о котором твердят все романтики, искатели приключений и прочие уличные пройдохи.

Тогда ещё он был по-юношески худ и юрок, мечтателен, вынослив и азартен. Его влекла сама идея снимка, бессмертие мгновенья в кадре, его влекло искусство, наглость быть причаст-

ным, шанс прикоснуться к вечности щелчком затвора и прочие подобные высокие мотивы. Он вознамерился не просто овладеть бытовым доходным ремеслом, он честно и открыто решил стать лучшим в своём деле, стать эталоном, отрезав наконец путы невежества и шарлатанства.

К тому же, как всякому приезжему ревнивому простолюдину, ему чертовски хотелось во что бы то ни стало влиться в общество тех изнеженных франтов, которые приходили в мастерскую художника, пренебрежительно выгоняли работяг, а сами раскуривали табаки, распивали виски, тянули заунывные разговоры и, утираясь деньгами, жаловались на жизнь.

Но самое главное, Бенджамин клятвенно пообещал себе больше никогда, ни при каких обстоятельствах, невзгодах и трудностях не прибегать к мысли о возвращении домой. А чтобы не случилось обратное, следовало бы раз и навсегда избавиться от этой возможности. Тогда он решительно и беспощадно, каким-то немыслимым, нечеловеческим усилием изничтожил в памяти своё прошлое, освободив простор для новой биографии.

3.

Спустя долгие годы шабашничества, от привокзального приставалы до опытного, содержательного фотографа, ему открылась заветная дверь в сытую жизнь. Жизнь, о которой мечтал, жизнь, к которой стремился, пробивая лбом заковыристый путь становления. Оттачивал навыки, терпел порицания, упрёки, гонения, дрессировал себя для выхода в высший свет. Свет, который в итоге зажёгся, пусть не скоро, но ярко. А сытость, как известно, расслабляет, убаюкивает, лелеет в своей опасной неге. Сытость позволяет не растрачиваться, не утруждаться, не беспокоиться. Сытость не точит, не учит, не провоцирует, предоставляет не поиск, а выбор, не идею, а факт.

Только Бенджамин встал на ноги и сделался заметнее, как тут же угодил под влияние разного рода поклонников, сторонников, ценителей, и их внимание полностью подчинило себе его волю. Сам того не осознавая, он оказался в зависимости от поощрений и, под пленительные звуки рукоплещущей толпы, удобно устроился на заготовленном престоле, не замечая над собой блеск лезвий гильотины.

А интриганы, вьющиеся вокруг его поспевшей популярности, ядовито шептали, о шаткости карьеры, обманчивости славы, опережающих конкурентах, недолговечности оваций. И Бенджамин пошатнулся, засомневался, запутался, и понёсся по безжизненному полю парадных дорожек, под неискренний свет софитов и камер. Уподобляясь подобным, равняясь на равных, стараясь не свернуть с разъезженного пути, при том самому успеть мелькнуть в кадре, в то время как фотографу надлежит стоять с тылу.

Он поспешил осчастливить своим присутствием весь свет творческого бомонда и самому насладиться сей привилегией. Невзирая ни на возросшую страсть к ремеслу, ставшую за годы усердной работы его естественным двигателем, ни на внутренний голос, который изо всех сил протестовал, стремясь отстоять эту самую страсть у слепых и небескорыстных амбиций. Тем самым, подавляя ещё только зарождающийся, тонкий росток природной способности, дающей возможность пробудиться истинному таланту. Он влился в желанное общество, но растворившись в нём, потерял себя.

После, настал тягомотный период проходных мероприятий, беглых знакомств, однотипных фестивалей, показов, конкурсов и прочего карнавала событий. Но дальше открытых дверей декоративных вечеринок, путь Бенджамина в профессии не продвигался. Сомнительные личности, имеющие власть и деньги, но не имеющие ни малейшего понимания в искусстве, притупляли и опошляли вкус фотографа, не принося ему ничего кроме отвращения, в том числе от собственных работ.

И случилось то, что должно было случиться, едва расцветший Бенджамин перегорел. Он стал отказываться от неудобных встреч, невыгодных проектов, срывал мероприятия, капризничал, бездельничал, скучал. Сам перестал творить, но подвергал жестокой критике коллег-фотографов, художников, артистов, журналистов, авторов и прочих, всех до кого смог дотянуться

точёной бритвой языка. Он пристрастился к выпивке, пускался в пьяные загулы, скатившись вовсе до скандалов, провокаций и бесчинств.

Годы культурного воспитания уступили место бесстыдству, хулиганству, распущенности – повадкам, недостойным недавнего публичного любимца. Немудрено, что вскоре отношение к нему изменилось коренным образом – фотографа отвергли. Гильотина сработала смертоносно, как ей и подобает.

Долгожданный триумф оказался губительным для его неискушённой натуры. Талант ушёл в тень тщеславия, остыл энтузиазм. Одна только гордыня неизменно оставалась рядом, жажда признания и жадность к похвале. Он злился, но терпел, и всё ещё стремился быть по вкусу, он шёл на компромисс, пытаясь вызвать одобрение и соответствовать готовому шаблону.

Распыляясь в угоду прихотливой публики, он израсходовал инстинкт художника, навык видеть то, что недоступно, и ту свою особенность, которая выделяла его из ряда деятельных, но весьма заурядных коллег.

Бенджамин отчасти пришёл в себя, но вернуть прежнее положение уже не смог. Ничего нового он не предлагал, а на повторении своих работ выкрутиться не удавалось. После нескольких лет безрезультатных проб он только запятнал себя штампами и вскоре окончательно притих, оставшись более-менее узнаваемым мастером со славным прошлым и пока ещё снисходительным настоящим. Ну а мечты о верховенстве своего имени были выветрены бодрящей реальностью.

4.

Теперь же, в своих размышлениях он всё чаще оглядывался назад. Послевкусие утраты ещё долго сопровождало фотографа, да и воспоминания никуда не делись. Они реяли, приставали, то наскучивали, то подначивали, и он всецело покорялся памяти. Играясь сослагательным наклонением, менял ход действий, свои поступки, выдумывал иное развитие событий и уповал на несбыточный исход. А после, опомнившись от грёз, оправдывал себя, грустил и плакался.

– Одна успешная выставка была, другая с треском провалилась. И кто виноват? Замыленный взгляд? Испорченный вкус? Или нерукопожатная личность? А может всё-таки толпа, чьё мнение зависит от пары-тройки обидчивых, но слишком влиятельных людей. Нет, другого такого шанса уже не будет. Рассчитывать бесполезно, а надеяться глупо, – пускался в рассуждения Бенджамин, коротая вечер за стойкой любимого бара, расположенного на первом этаже доходного дома, в котором, к своему удобству, арендовал апартаменты, служащие ему и рабочей студией, и единственным верным пристанищем.

Заведение же обладало возможностью предложить щедрый ассортимент удовольствий, обросло слухами и носило статус полузакрытого, полутайного «богемного местечка». Раньше сюда частенько наведывались и его знаменитые приятели, но ввиду подмоченной репутации, из завсегдатаев остался один ненавистный ему Ричард – молодой, только набирающий известность фотокорреспондент. И тот, по словам фотографа, нарочно тёрся возле его тухнущего имени, как стервятник, дожёвывая падаль.

Осилив львиную долю бутылки виски, наречённого древними кельтами «водой жизни» и в буквальном смысле лекарством от всех болезней, Бенджамин, по-видимому, переборщив с лечением, совершенно размяк, размазался по отполированной деревянной столешнице, подперев оплывшие щёки кулаками и дымя обрубком сигареты, не обращая внимания на того, кто сидел рядом, вёл беседу, скорее, сам с собой.

– Это лотерея, ты либо победитель, либо как сейчас. А что у нас сейчас? Съёмка в два - три месяца, и дай бог, чтобы заказчики оказались щедрыми.– Он вспомнил оскудевший банковский счёт. – И к чему всё идёт?К тому, что вернусь я обратно, на вокзальную площадь... Нет, я этого не переживу!

– Эй, Бен! К чему эти крайности? Почему бы тебе просто не пойти в издательство? – пытал его Ричард. Он говорил с акцентом, намеренно выделяя шипящие, обладал выразительной мимикой и необычайно шустрым умом, благодаря которому его фразы вылетали быстрее, чем того требует ситуация.

– Вкалывать на газету? За зарплату? О чём ты говоришь?! Я не стану, я не смогу... Тогда уж лучше на площадь, – упрямился Бенджамин, или просто Бен, как его на модный манер называла культурная элита, пока тот имел к ней непосредственную принадлежность.

– Лучше? От чего будет лучше? От того, что ты прозябаешь без дела! От того, что ты предательски губишь свой талант!?

Бенджамин презрительно оглядел с ног до головы нескладного, долговязого парня в узком костюме совершенно дикой расцветки, с дурацким начёсом на жиденьких волосах и только сейчас заметил на нём новоприобретённый туалет. До того, все его наряды имели вид чрезвычайно поношенных, не исключено, что не им одним. «Лебезит проныра, – разгадал опытный взгляд, – Этот-то везде пролезет! Где подластится, где подмажется, а своего добьётся, даром что бездарь! Вчера ещё о пороги тёрся, а теперь уже рядом сидит».

– Есть куча вариантов, умерь гордыню, старик! – продолжал Ричард, – В конце концов, столько уважаемых фотографов прекрасно сотрудничают с изданиями. От этого они не теряют себя, скорее наоборот, находят в том весьма выгодные перспективы. Ты будто мараешься при любом упоминании о наёмной работе! Нет, я не имею ввиду, что ты...

– Послушай меня, парень!– зарычал Бен, оборвав его доводы. – Я не для того отдал искусству пол жизни, чтобы теперь прислуживать начальству. Податливость свойство бесхребетности! Это ты, подчинённый сотрудник. А я фотограф вольный! – Он промокнул вспотевший лоб салфеткой, вылил остатки виски в стакан и добавил: – Вольный и нищий.

При слове «нищий» обоих прошибла колючая зыбь, будто оскомина сковала скулы и мерзким холодком растянулась вниз по позвонкам.

– Неужели ты думаешь, что мир крутится вокруг тебя? – без прежней симпатии, даже с некоторым презрением проронил Ричард и задумался.

Не так давно, этот сварливый брюзга был его кумиром, живым олицетворением силы таланта и безукоризненной преданности ремеслу. Почти легендарная личность. А теперь - вот он, ещё машет кулаками, а сам бездеятелен, комичен и пьян. Нечто страшное, но надо полагать справедливое, опустило небожителя до обывателей, уравнивая погрешности фортуны.

– Нет, это я кручусь! – съехидничал Бен.

– Ну крутись, – отбил ехидство фотокор. Затем, ловко крутанул через пальцы серебряную зажигалку и поднёс её огонь к прикушенной сигарете старшего приятеля, не выпуская того из-под надзора мутно-голубых глаз, привычно выпученных. – Ещё пара лет, тебе и это не поможет. Сейчас каждый второй фотограф, дело-то нехитрое! – Щёлк! Щёлк!Он лихо щёлкнул пальцами у носа захмелевшего товарища. – Тебя уже никуда не приглашают, а скоро ты и для работы в издательстве станешь негоден. Тогда точно вернёшься на вокзал, или куда там? – выждав паузу, он продолжил, – Кстати, дружище, я тут случайно узнал, что ты тоже приезжий. Не расскажешь откуда?

Ответа не последовало. Дружище молчал, уставившись в стену из дряблого кирпича, увешанную полками с разнокалиберными бутылками, цветными и прозрачными, пузатыми и вытянутыми, початыми и закупоренными. В их стекле отражался тусклый свет висящих над баром светильников, от которых исходил жар раскрасневшихся лампочек.

– Вот туда и вернёшься. – договорил Ричард.

Бенджамина передёрнуло от крепости провалившегося глотка, он пожал плечами и отвернулся. Этот осмелевший тип озвучил то, о чём он сам размышлял не раз, нехотя признавая данность. Но в его фразах проявлялось нечто похожее, не то на приторную жалость, что было само по себе тошнотворно, не то на невежественное нравоучение, которое выгля-

дело бы ещё более абсурдным. Его дерзкое панибратство вызывало у зрелого, преисполненного гонором мужчины ревностное сопротивление. И Бенджамин придирчиво переваривал мысли, оттягивая принятие этого, пусть стыдного, скорбного, полного разочарований, но единственно верного решения, обещающего хоть какой-то выход из сложившейся ситуации. А ситуация сложилась - хуже некуда.

– Может ты и прав. – пробасил голос фотографа, начавшего грузно переминаться на сидении высокого стула.

Пробасил насколько героически, настолько и бедственно, так, что Ричард ощутил калёные объятия совести. Смел ли он, вчерашний ученик, наставлять мастера. Того мастера, который, не преподав ни одного урока, смог научить его всему тому, чем он владеет теперь. Он не забыл то, как настырно пробивался в окружение Бенджамина, как ходил у него по пятам, изучал его работы, имитировал стиль. Не забыл он и то, как долго терпел его неприязнь, а теперь тот недосягаемый светоч был вынужден считаться с его обществом.

Они невольно переглянулись и на том заострили внимание.

Два человека противопоставленных друг другу, две похожих судьбы, делящие одно время, два встречных огня свирепствующего пламени событий, борющихся за право существования. Едва зажёгшийся, только набирающий пыл и пока ещё полыхающий, но неминуемо гаснущий, оставляющий после себя пепелище былого величия. Сейчас оба фотографа оказались на равных. Они сошлись в той точке, где прошлое одного, виделось второму будущим, а будущее другого – являлось прошлым первому, и обоих беспокоило, что будет дальше.

Часы объявили торжество полуночи. Бармен, немногословный громила с прожжённым лицом, больше походивший на кабацкого вышибалу, хоть и работал до последнего посетителя, что выигрышно отличало это место от остальных подобных заведений, своим невежливым фырканьем и нервными жестами давал понять, что настала пора закругляться. Тем более, кроме той пары, в зале не было ни души, и эти, кроме виски, ничего не заказывали, а это, если подсчитать, одни убытки. Он даже выключил часть света, но сумеречные полутона только сильнее разморили засидевшихся гостей.

Сквозь хаотичное течение дум, затуманивших сметливую голову Ричарда, всё более определённо доносились нарастающие звуки тихой, неразборчивой речи. Начало он упустил, но позже прислушавшись, слова обрели отчётливую форму монолога.

– Говорят, волка ноги кормят, – заканчивал свою исповедь Бенджамин. – Но какой толк мотаться по миру, в поисках великой идеи, даром мучая камеру. Сменилось поколение имён, пока я волочился в попытках вернуть эту свою «гениальность». Может и нет её вовсе. Зато есть опыт и мастерство – эти вещи надёжнее. А поиски пусть остаются вам, безусым дилетантам! – Он смахнул с рукава пепел и оттолкнул пустой стакан. – Меня мой возраст обязывает быть уверенным в завтрашнем дне.

Незримая железная клешня вцепилась в горло, фотограф замолчал и, не подав вида, терпел её тиски. После, сунув гладкую купюру под стакан, всё так же не произнеся ни слова, с подчёркнутой строгостью взглянул на Ричарда, неповоротливо спустился со стула и ушёл, оставив после себя пластичную волну бледного сигаретного дыма, медленно исчезающую в пустоте полутёмного зала.

Этой ночью столица сверкала ярче обычного. Бенджамину совсем не хотелось домой, и хоть он не был любителем бесцельных прогулок, а в последнее время не переносил физических нагрузок тяжелее чем спуститься до бара, сейчас его влекло пройтись и проветриться. Вот только стопы упрямо подкашивались, ноги не желали двигаться, глаза не различали пути, да и голова соображала с трудом. Пошатываясь и запинаясь, он дошёл до первой скамейки и свалился на неё бесформенным мешком.

Иссушенный и пыльный воздух промышленного гиганта не то, чтобы не освежал, он душил, он травил, он царапал зрачки, вызывая едкие слёзы, густо оседал во рту, неся в себе запахи разогретой резины, выхлопных газов и того, чем пахнет дым фабричных труб.

Город не спал. Улица бессистемно двигалась, стучала, свистела, раздавалась размеренным клокотом. Искусственный свет освещал распахнутый проспект, едва ли не ярче дневного солнца. И вроде бы вокруг всё светло и прозрачно, но непонятно куда идти дальше, и вроде столица бескрайна, но в ней будто не было места раскаявшемуся фотографу. Он опять стал чужим, он опять надоедливый гость, он опять неугодный приезжий. И сотни, когда-то открытых дверей, оказались заперты, а самое ужасное то, что заперты они для НЕГО.

5.

Самоотверженная преданность искусству затерялась внутри оскорблённой души фотографа. Главной его целью стали деньги, заработок - сухой остаток ремесла. В борьбе внутренних противоречий, между свободным полётом и якорем со стабильной зарплатой, творческая независимость проиграла официальному контракту с печатью. Так, в погоне за выгодными условиями, от тягостной зависти и разрушительных сравнений, Бенджамин вынудил себя оставить претензии и погряз в работе на СМИ.

Но, оказавшись в должности штатного фотокорреспондента, по своей натуре он всё же оставался свободомыслящим художником, нежели рядовым исполнителем. Загнанный в рамки ограниченных сроков, плотного графика и непомерно жёстких критериев, он не был в состоянии тягаться с хваткими и энергичными репортёрами. Чем быстрее он старался отснять репортаж, тем больше страдало качество, зацикливаясь же на качестве, он медлил, отставал от коллег, упускал новизну, терял актуальность событий. В этой бесконечной суете новостного конвейера он окончательно изувечил себя, исчерпал все свои ресурсы и сам пошёл ко дну, в кипящем потоке проектов и рейтингов.

Опустошённый и сломленный, Бенджамин не справился с чередой унизительных провалов, и профессиональное выгорание вылилось в затяжную депрессию, с последствиями из того вытекающими. С преувеличенной хандрой, которой он частенько прикрывал свои оплошности и, ставшим к тому моменту его отличительной особенностью, безрассудным пьянством, последним спасением от той хандры.

В паническом бреду беспросветных загулов, его мучили странные, страшные видения. Он, то впадал в уныние, то, подстёгнутый своей же немощью бесновался, громил и рушил годами нажитый уклад. В итоге, упадничество вконец доконало фотографа, и, не выдержав медленной, мучительной агонии, он вздумал враз покончить с этой отвратной и позорной жизнью.

6.

Поддавшись сиюминутному порыву сгинуть, исчезнуть, пропасть без вести, что, в сущности, означало убежать от проблем, Бенджамин решился на отчаянный, совсем несвойственный ему поступок. Он купил билет туда, куда едет ближайший поезд и, спустя несколько часов, очутился на безликой станции, глубоко в дебрях провинции. Полусонный, помятый, с похмельным ознобом, он понимал, что не может позволить себе вернуться в столицу в таком виде и не нашёл решения лучше, чем задержаться здесь на пару дней, хотя бы для того, чтобы привести себя в порядок.

Город встретил фотографа, как он выразился, по-скотски. Серое тяжёлое небо сыпало туманной моросью, сменяемой проливными дождями. Изломанные улицы имели вид запустелый и неприветливый. Огорчали повсеместно закрытые заведения, слякоть вертлявых дорог и мокрые скамейки под погасшими фонарями.

Надеясь на двух-трёхдневный покой, он решил устроиться в отель, тот, что советовал болтливый таксист, назвав его лучшим в этом городе, и Бенджамин доверившись его уговорам, без возражений и пререканий отдался на попечение местной обслуге.

Отель представлял собой угловой дом в три этажа с мансардной надстройкой, вклиненный в замкнутую площадь. Почтенно состарившееся каменное здание, на треть покрытое лозой дикого винограда, с почерневшим фасадом и обшарпанным декором, с нависшим над входом эркером и шпилем, на конце которого притаился готовый к прыжку кованый кот, возвышающийся над остальной застройкой.

Войдя в добротные дубовые двери, фотограф оглядел вестибюль, больше похожий на богато обставленную гостиную уходящей эпохи, со старинной темной мебелью, разлапистыми пальмами в квадратных катках, с потёртым трёхногим роялем, стоящим по центру, загромождая и без того небольшое пространство. Бенджамин нахмурил брови, серьёзности это ему, конечно, не придало, но он почувствовал себя уверенней.

Внутреннее убранство давило обилием бордового цвета, на портьерах, на отделке мебели, на тиснёных золотым орнаментом стенах, указывало на ускользающую элитарность или же рассчитывало на внешний эффект. Под невысоким сводчатым потолком искрились ожерелья многоярусной люстры, на круглых столах мягко лучились аккуратные абажуры, а в натёртых полах отражались витражи. Напротив стойки приёма хрустело поленьями разинутое жерло камина.

– Роскошь в провинции – понятие вычурное, – брюзжал гость. – Прямо-таки дворец! Хах! Да кто здесь останавливаться-то будет? Для кого собрали всё это старьё? Рояль притащили... Кому он тут нужен?!

Коснувшись пальцами чёрно-белых клавиш, он представил переливы инструмента и, схватившись за ноющий лоб, простонал вполголоса о том, как болит голова.

Впереди выступил широкий марш парадной лестницы, уводящий вверх, прямиком к портрету упитанного господина в поварском колпаке, держащего огромную матово-жёлтую головку сыра на полотенце, краешек которого был расшит извивом монограммы.

В прошлом это был дом владельца сыроварни, ныне переделанный в отель. Некогда зажиточный хозяин оставил его вместе с антикварным интерьером, который, по прошествии нескольких десятков лет, стал выглядеть скорее музейным, чем представительским. Та самая сыроварня находилась поблизости, она прекрасно сохранилась и, более того, продолжала работать. Небольшая лавка при ней была щедра на выбор сыров и распространяла вокруг свой особенный, утончённый, но не скромный, ласковый, и слегка пощипывающий аромат. Аромат, который знает каждый, который можно любить или не любить, но спутать его с чем-то другим невозможно.

Бенджамин, сколько себя помнил ненавидел сыр и не мог терпеть его запах. После скоропостижной смерти отца, которого он едва знал, мать устроилась работать на похожую сыроварню и украдкой таскала домой сырные остатки, обрезки и прочее сырьё. Это, стоит отметить, был чуть ли не единственный продукт на обеденном столе маленького Бена. Женщина была безутешна в своих несчастьях, она так и не смогла смириться со смертью мужа, облегчала страдания выпивкой и не особо следила за питанием сына. Позже, она скатилась до откровенного воровства, потеряла работу, бродяжничала, а потом пропала с концами, оставив ребёнка одного в сырой, захудалой лачуге влачить судьбу беспризорника. И, тот сырный душок, что в народе зовется «благородным», вызывал у фотографа раздражительный и болезненный импульс, бессознательно навеянный давними переживаниями.

Номер Бенджамина состоял из двух комнат. Помимо типичного оформления в классическом стиле, с доминирующим массивом дерева, он был заставлен низенькими пуфиками, резными тумбами, разноформатными торшерами и светильниками, зеркалами, статуэтками и прочим декоративным фарфором. Это сильно перегружало простор, зато привносило временному проживанию необходимое ощущение обжитого спокойствия. Со стен, оклеенных обоями в мелкий неброский цветок, друг на друга глядели копии известных картин, а через проходную гостиную виднелась высокая кровать с воздушными рюшами и кучей взбитых подушек, напоминающая масляный торт. Здесь приятно пахло свежим бельём и цветами, теми, что стояли в

фигурной вазе на комоде. На полу был расстелен ворсистый ковёр в тон персиковым занавескам, а из окон проникал пасмурный отсвет и тихий снотворный шум дождя.

Это был вполне достойный номер, лучший из тех, что могли предложить в отеле, но капризный гость, будто нарочно себя накручивал, пытаясь разглядеть недостатки своего местопребывания. Всё ему здесь было не в радость, и забота персонала, заблаговременно принёсшего дополнительные одеяла на случай холодных ночей, и горячий суп с фрикадельками, второпях проглоченный заживо, и шикарная ванная комната с кучей тюбиков, склянок и прочих душистых атрибутов уюта.

– Что за манера выпячивать всё напоказ? К чему эта демонстративность? Можно подумать! Отель! Кому нужно это притворство, что они из себя строят?! Да я в таких отелях бывал...

Он задумался.

«Да, в общем-то, не хуже тех, где бывал», – мысленно признал фотограф, но продолжил ворчать, испытывая острую, неотступную, непостижимую даже собственному пониманию необходимость к чему-либо придраться.

– Шторы зачем-то закрыли, за окном всё равно мрак и темень. Что за место!? Почти полдень, а на улице ни солнечного света, ни людей. Никакого намёка на жизнь.

Распахнув непослушные портьеры, он взглянул в окно и затих. Сквозь мутную вязь дождя виднелась движущаяся тень. Будто танцуя, не касаясь земли, она кружилась, то разгонялась, то, остановившись на мгновение, меняла направление и продолжала ход. Вот только не разобрать, то ли это человек под зонтом противится стихии, то ли проливной поток скользит по мостовой. Вдруг тень застыла, так что её стало возможно разглядеть, но только Бен приноровился, вплотную приткнувшись к стеклу, вновь начала вращаться и постепенно тускнея, сгладилась с дождём.

7.

Бенджамин вздохнул устало, глубоко-глубоко, настолько, чтобы доверху заполнить воздухом диапазон своих страданий, и, только тронулся от окна, как со всей силы шарахнулся пальцем ноги об ножку кровати. Лицо побагровело и накалилось, нерв разрядом тока пробежал по телу. Фотограф с грохотом упал на пол, попутно опрокинув столик, на котором помимо графина воды со стаканами, лежала стопка свежих журналов и газет. Зажав рот обеими руками, он согнулся, поджался и туго застонал от боли.

В ту минуту только неведомые доныне силы сдерживали его от разрушающего припадка ярости, сопровождающегося битьём посуды, опрокидыванием мебели и швырянием всего того, что может попасться под руку, к коему в силу открывшихся с недавних пор психопатий он начал привыкать. Превозмогая взрыв зубодробительного гнева, он остался лежать на полу и, не найдя выхода эмоциям, тихо заплакал.

Его взгляд пал на сумку. Там, внутри, за приоткрытой молнией, находилось то, что залечило бы и боль от удара, и горечь обид. Сумка лежала на краю кровати, и он без труда дотянулся до неё рукой. Она брякнула, звякнула, из продольного кармана показался тот самый, первый фотоаппарат, который теперь хранился в дорогом чехле с именной гравировкой. Верный друг и соратник, бывавший с ним в самых разных условиях, в горе и в радости, а теперь и здесь – за чертой безысходности.

Но фотоаппарат был те тем, о чём он подумал. Бенджамин вынул собранное на скорую руку бельё, портмоне, бессовестно потерявшее в весе, несколько пачек сигарет, облегчающих смутную будущность. Высохший, завёрнутый в расчётный листок бутерброд, без раздумий отправился в желудок, защитные очки нырнули в футляр и за ненадобностью полетели в ящик комода. Электробритва предательски отсутствовала. Следом за дорожным барахлом, бесстыже блеснула ребром стеклянная бутылка. Он дернул за горлышко и по неосторожности рассыпал по ковру чёрные горошины лакричных конфет.

– Во-о-от то, что мне сейчас нужно! – ещё всхлипывая, но наперёд питая знакомый вкус, оттого немного успокоившись, произнёс Бенджамин.

И лукавый виски заиграл янтарным светом в узорах хрустального стакана, насыщая комнату соблазняющим ароматом, а фотографа временным расслаблением и обманчивым чувством покоя, которое, если поддать лишнего, быстро сменяется на хмельное возбуждение, а уж оно в свою очередь может сотворить с человеком то, что одному богу известно.

Так закончились привередничества и настала пора задушевных бесед, необходимых и неизбежных, но за неимением соучастника, либо уже по привычке, Бенджамину приходилось вести монолог.

По правде говоря, ещё с периода перипетий, сопутствующих его кризису, он пришёл к выводу, что откровенничать в принципе небезопасно. К тому же, ни один человек не сумеет поддержать диалог так, как он сам, а раз нет никого достойнее, очевидно, что и разговаривать ему интереснее самому с собой. Нередко это смахивало на душевное расстройство, особенно в моменты бурных, эмоциональных философствований в присутствии посторонних, но нарочито постановочный слог речей превращал фотографа из пациента психиатрической лечебницы в карикатурного персонажа, эдакого «безумного гения», никем непонятого, одержимого, но весьма безобидного, и его не смели тревожить.

И началось:

– Блестящий фотограф на руинах былого мастерства, несправедливо вышвырнутый из профессии, использован, разбит и списан. И никакого уважения, никаких сантиментов! – Он говорил высокопарно и очень драматично, приписывал себе роль мученика, сильно утрируя действительность. – Не справляешься – пошёл вон! В отпуск! Да знаю я, что это за отпуск. После такого отпуска уважающие себя люди не возвращаются.

И, так по кругу, глоток – надрыв, глоток – порыв.

Комната тонула в табачном дыму, меланхолии и слезливых драмах фотографа, который ковырял былые обиды, ссоры, споры, незажившие и гниющие, вспоминал свои поражения, конфликты, удручая и без того паршивое настроение.

– Да что со мной случилось, в конце-то концов?! Чем больше кручусь, тем больше проблем на себя наматываю. Как я мог превратиться в безнадёжного неудачника. Нет, вы только послушайте, я – неудачник! Что за чушь! – негодовал он, сидя на полу рядом с лужей от пролитой вазы. – Неужели всё закончится вот так? В пьяном угаре, в этом захолустье. Может мне тогда самому разом всё это взять и бросить? – Он боязливо глянул на фотоаппарат.– А, дружище? Может я зря таскаю тебя за собой? Может это вообще не моё...

От волнения, горло налилось невыплаканной распирающей массой. Такое фотограф озвучил впервые. Даже в самые голодные времена он не задумывался о том, чтобы уйти из профессии, но оказавшись в положении неминуемо бедственном, на рубеже самолюбия и самоуничижения, с руками связанными убеждённым одиночеством, рождаются самые страшные подозрения.

Бенджамин опрокинул болтающийся на дне стакана глоток виски, и, прервав себя, не без усилий поднялся на ноги. Он не хотел представлять такой исход, но и заткнуть неугомонный рассудок не сумел, оставалось только продолжать свой монотонный речитатив.

– А ведь я был хорошим фотографом! Я свой талант оттачивал годами, пробивался, притирался, нарабатывал. И вот, моя первая выставка... С неё-то всё и началось. Столько лет! Столько лет меня преследует ЭТО. Да лучше бы её не было! Я, дурак, думал у меня всё впереди, а оказалось, чёрта с два! Всё кончено, успехи в прошлом, а я вот тут. – Он упёрся в тёмное окно, но на фоне уличных сумерек в нём виднелось лишь грубое отражение, косматая голова, синюшный опухший нос и оттянутые книзу черты губ и бровей.– Пью один и бормочу сам с собой.

После нескольких часов самобичевания, тупое отчаяние накалилось тревогой. Раздражало бессилие, бессилие перерастало в зависть, зависть порождала за собой плеяду гнусных мыслей. Исчезли манеры, упало лицо. Гнев от позорного поражения, вперемешку с крепким алкоголем, в который раз затмевал его заученную интеллигентность. Цинизм же и ожесточённость вплелись в характер Бена самовольно, с детства, тогда, когда ему приходилось в одиночку выживать в мире взрослых, заносчивых, бесчестных, алчных и не особо жалостливых к сироте, а сейчас только сильнее проявлялись.

Под властью возникших эмоций Бенджамин в миг приободрился, остервенел, глаза его точно окровенели, и сам он раскраснелся. Затушил окурок и закурил снова.

– А кто, собственно, решил, что я неудачник? Что я не у дел, и, что я ни на что не способен? Кто они такие? Тоже мне, вершители судеб. Сброд насквозь прогнивших приспособленцев!Незаменимых нет – окрысились в редакции, когда я их обложил по матери. Так и они не единственное издание!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.